

СОДЕРЖАНИЕ

Остановка времени	7
Синтетическая дева	15
Гламроки	25
Мертвая голова	33
Летка-енька	41
Город манекенов	49
Встреча	60
Задние мысли	67
Видящие реальность	75
Первое повеление	84
Зеркало	89
Крышка мира	96
Королева Брунхильда	102
Театральное действие	109
Второе имя	121
Парад сущностей	129
Экспедиция крышки	139
Больные любовью	146
Лохматая Зверюга	158
Похищение дикой девы	163
Зверюга и его женщина	171
Наказанные любовью	178
Остановка сновидения	184
Наблюдатели и персонажи	193
Движочек-рычажочек	200

Запуск сновидения	208
Красная королевица	216
Взлом сценария	224
Я это я	232
Калейдоскоп реальности	242
Инициация гламроков	254
Вопросы в сновидении	263
Действо в сновидении	271
Кошиса	279
Вы себя знаете?	293
Сюрреальность	303
Сумасшедший писатель	317
Метаморфозы	329
Дефиле манекенов	338
Карамилла-Маравилла	351
Сон Зверюги и пробуждение	364
Ненаучная природа	372
Вложенные реальности	382
Наюкоёлоги	390
Изнанка реальности	403
Косица намерения	410
Город храмов и статуй	422
Ходящие под крышкой	434
Живые среди живущих	438
Все только начинается	446

ОСТАНОВКА ВРЕМЕНИ

Э то случилось очень давно, около 100 миллионов лет назад. Точная дата неизвестна, но она и не имеет значения. Когда речь идет о событиях, отдаленность которых невозможно себе представить, становится неважным, давно это было или недавно.

Глядя на звезды, мы не задумываемся о том, что их свет летел к нам миллионы лет. Звезды — они просто есть — здесь и сейчас. Аналогично с событиями прошлого, даже теми, что затерялись в глубине тысячелетий — они будто бы есть, здесь и сейчас, как только всплывают в памяти или повествовании.

Правда, не совсем здесь. Куда простирается эта самая глубина тысячелетий? Земля и море углубляются вниз. Небо уносится вверх. А в каком направлении уходит время? И откуда оно приходит?

С пространством все ясно: надвигается спереди, остается сзади. Со временем тоже все просто, если о нем не задумываться: что было — ушло, что будет — придет. Но куда ушло то, что было вчера, и откуда придет то, что будет завтра?

Стоит лишь начать разбираться, что же такое время, как оказывается, что все непросто и ничего не ясно. Ведь если нельзя сказать, куда ушло вчера и откуда придет завтра, то может быть, их и вообще нет, а есть только сегодня, сейчас?

Вчера не существует уже. Завтра не существует еще. Выходит, время — это ничто, которое движется в никуда из ниоткуда? Время — условность? Или все-таки физическое явление?

Ладно, будущее как неотъемлемая часть времени — понятие эфемерное. Однако прошлое — вполне реально, и не только потому, что о нем свидетельствуют раскопки. Черепки и останки — это скорее устаревшее настоящее. Под собственно прошлым понимается череда событий. Где же хранятся события?

Пусть это кажется невероятным, но прошлое можно узреть воочию. Звездное небо — наглядное тому подтверждение. Звезды загораются, светятся, гаснут, и мы это видим, как бы давно это ни было. Точно так же, со стороны звезд можно видеть то, что происходило на Земле миллионы лет назад. Значит, прошлое хранится в луче света, и только?

Оставим все эти загадки на съеденье философам. В мире есть вещи, неподдающиеся объяснению, о которых можно лишь рассказывать. Так вот, одна из таких вещей случилась — время замерло, и мир остановился.

До того момента все шло как обычно — сменялись династии королей, за одной цивилизацией следовала

другая, статуи забытых богов покрывались трещинами и заносились песком... Все сущее когда-то приходило и уходило, но никогда не стояло на месте.

Хотя, кто знает, возможно, что и такое случалось не раз — время останавливалось, и Вселенная замирала в подвешенном состоянии. Ведь если есть причина, по которой время пришло в движение, то может существовать и причина остановки. Подобная пауза могла бы длиться как один миг, так и целую Вечность, поскольку без движения нет и времени.

Итак, в тот самый бесконечный миг небытия, когда ничего не происходило, в одном месте все же происходило нечто.

* * *

Жрица Итфáт плелась по бескрайней пустыне, разговаривая сама с собой. Это была весьма экстравагантная особа, непонятно из какой страны, эпохи, и даже какого возраста — может двадцати, а может и сорока лет. Одета в длинное платье до пят из темно-синего, почти черного бархата, с шейным воротничком, усыпанным бриллиантами. На левой руке — перстень с кристаллом такого же темно-синего отблеска. Лицо покрыто устрашающей ритуальной раскраской багрового цвета с белыми пятнышками на скулах. Глаза зеленые, волосы черные, подстрижены в каре. Что можно еще добавить? При всей своей брутальной внешности, она была красива.

Почему она могла двигаться в застывшей реальности, оставалось загадкой, в том числе и для нее самой,

поскольку жрица не знала, где находится, и не помнила, как здесь очутилась.

— О боги, властители мира! Верните меня домой! — не причитала, а скорей капризно возмущалась Итфат.

— Где мои служители, мои подданные? Если вы сейчас же не покажетесь, велю вам всем отрубить головы!

Ну, это было сказано, пожалуй, с преувеличением, поскольку жрица вовсе не имела репутацию жестокой и кровожадной правительницы.

— Так. Если это чья-то злая шутка, всем будет очень, очень плохо! — Итфат уже порядком устала, но у нее еще хватало духу вести себя подобно капризной принцессе. В таких-то обстоятельствах! Надо признать, у жрицы было отважное сердце. Кто-то другой, окажись на ее месте, уже бы впал в истерику или транс.

Тем более что пейзаж был сюрреалистичным и пугающим. Повсюду однообразные песчаные волны до горизонта. В воздухе ни малейшего дуновения. Ни жарко, ни холодно. Небо, на котором не было солнца, светилось желтым сиянием, в то время как песок был, наоборот, голубого цвета.

— Ну-ка ну-ка, живенько-живенько, соображаем, это что, кошмарный ужас или ужасный кошмар? — у Итфат была привычка повторять слова.

— Со мной не может ничего такого приключиться. Это я создаю кошмары и ужасы, от которых все трепещут! Последний раз предупреждаю! Если я немедленно, сию же минуту, не окажусь в своем храме, я начну злить-

ся, а вы знаете, как это страшно! — Итфат в отчаянии упала на колени. — Нет, я наверно сейчас расплачусь.

Тут она вдруг осознала, что едва ли помнит, откуда она и кто такая. В голове путались смутные обрывки воспоминаний, что была она верховной жрицей — правительницей какой-то страны, у нее был храм, служители, ее Наставник, но подробности никак не давались. Жрица не могла вспомнить даже своего имени.

— О боги, скажите мне, кто я!

После этих слов внезапно из пустоты возник шепот, который принялся носиться из стороны в сторону, подобно ветру:

— Итфат, Итфат! Жрица Итфат! Жрица, жрица!

— Странно, это вроде как мое имя, но будто бы и не мое, — пробормотала жрица, озираясь в поисках источника голоса. — Кто здесь?

— Преддверие, преддверие! — откликнулся шепот.

— Преддверие чего?

— Времени, времени!

— Где ты, покажись!

Но шепот так же внезапно стих и больше не откликнулся.

— Так... — вздохнула Итфат, не дождавшись ответа. — Похоже, это какой-то кошмарный сон. Либо я сейчас же просыпаюсь, либо сойду с ума. Больше не выдержу.

Тут у нее всплыло воспоминание о том, чему ее учил Наставник. Чтобы вернуться из сновидения в

явь, нужно осознать, кто ты такая, кем на самом деле являешься.

— Я — это не я, — провозгласила жрица. — Я — это я!

Но заклинание не помогло. Ничего не происходило.

— Но кто же я?

А что могло произойти, если она так и не вспомнила себя отчетливо; и даже имя, которое назвал шепот, казалось ей, как бы, и не совсем ее именем. И что значит, не совсем?

— Ну, что будем делать, Итфат? — спросила себя жрица. — Ладно, меня зовут Итфат, меня зовут Итфат. Что дальше? Идти куда-либо бесполезно, повсюду один песок, и ничего кроме песка до самого горизонта. Погоди-погоди. Что там еще говорил Наставник?

Новое воспоминание пробудило в ней надежду. Надо проснуться во сне, и тогда можно будет управлять самим сновидением. Для этого требуется внимательно посмотреть на то, что тебя окружает, и вдуматься, все ли в порядке, или что-то не так, и что именно. Увидеть реальность.

— Нет, вокруг меня и со мной все не так! Все не в порядке! И что тут можно видеть, кроме песка. Кстати, почему он голубой? — Итфат уселась и принялась пересыпать его с руки на руку.

— Песок — это не песок. Песок — это песок! — приговаривала она, пытаясь увидеть необычную суть обычных вещей, как учил Наставник. — Что в нем не-

обычного, кроме цвета? Он состоит из песчинок и сыплется, как и положено песку.

В то же мгновение песок перед жрицей начал вздыматься, сворачиваясь в огромную воронку и устремляясь к небу. Зрелище было ужасающим, и жрица с криком кинулась бежать прочь от воронки, но все было тщетно — куда бы она ни бежала, песчаный вихрь все время оказывался перед ней. А в туфлях, в которые была обута Итфат, особо не побегаешь. Споткнувшись, она упала.

Безумное отчаяние уже почти овладело жрицей, но она снова собралась с духом и немного успокоилась, благо что воронка не причиняла ей никакого вреда.

— Ладно-ладно, я уже напугана так, что дальше некуда. Если дальше некуда, уже хорошо, уже лучше. Но мне это надоело. Мой страх теперь отдельно — и я отдельно. Я не хочу больше с ним быть. Я уйду, а страх оставляю в своих туфлях. Они здесь все равно ни к чему. Прочь, прочь от меня! — она скинула туфли и зашвырнула их прямо в воронку.

— Все, я ушла, а страх свой оставила!

Туфли исчезли в вихре, но тот завертелся еще сильнее, теперь уже с нарастающим гулом. Дела плохи, подумала Итфат, надо было предпринимать что-то более действенное, иначе добром все это не кончится.

— Ну же, Итфат-Итфат, жрица-жрица, тебе надо увидеть эту чертову реальность, понять, что это такое, или тебе крышка. Это не просто песок, это не просто вихрь. Что это? Соображай, уже быстро-быстро, уже скорей-скорей!

Вадим ЗЕЛАНД. ЖРИЦА ИТФАТ

И тут ее осенило.

— Песочные часы! — воскликнула она. — Это песочные часы! Я вижу тебя, ты, дьявольская реальность!

В тот же миг вращение вихря остановилось, гул сменился стеклянным перезвоном, и гигантская воронка осыпалась наземь. Песок приобрел свой естественный желтый цвет, а небо засияло голубизной. Лишь солнце все еще отсутствовало на небосклоне.

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ДЕВА

Вэто же время, но в другую эпоху и в другом месте...

Объяснение, почему такое возможно — «в это же время, но в другую эпоху» — оставим на потом. Движение в пространстве и времени не всегда происходит линейно, то есть, в пределах видимости и понимания. И если что-то лежит за пределами нашего понимания, то это вовсе не значит, что такого не может быть.

Для того чтобы переместиться из той точки пространства и времени, где мы оставили жрицу Итфат, в новое место действия, наблюдателю потребовалось бы совершить довольно замысловатое путешествие.

Представьте, вы улетаете в небо, фигурка Итфат на песке превращается в точку, Земля удаляется и становится все больше похожа на географическую карту, а вас уносит все выше, и вот уже голубизна неба сменяется чернотой космоса.

Теперь вы летите в черной пустоте, но вокруг не темно, потому что звезды, и Земля еще видна как удаляющийся голубой шарик. Но вскоре и Земля превращается в точку, отчего движение перестает быть во-

обще заметным. На какое-то мгновение вы зависаете в этом положении, когда кругом звезды в черноте, и ничего кроме звезд.

Затем одна звезда вдруг разворачивается в трубу, вас затягивает в светящийся тоннель и несет через него, бесконечно долго, но неимоверно стремительно.

Наконец, скорость замедляется, вас выталкивает из трубы, и вы опять зависаете в черном пространстве со звездами. Одна из них начинает увеличиваться, и вы понимаете, что не висите, а движетесь.

И вот уже звезда превращается в шарик, который постепенно разрастается перед вами в голубую планету — это снова Земля, но в другой эпохе. Вы входите в атмосферу, чернота вокруг сменяется голубизной, вы тонете в облаках, какое-то время плывете в сером тумане, а затем снова погружаетесь во тьму, потому что солнце уже зашло.

Внизу огни ночного города, и вы планируете вниз, все ближе к огням. Пролетаете автострады с движущимися машинами, площади с гуляющими людьми, реки, мосты, светящиеся кварталы, дома, и наконец, влетаете в какое-то окно.

Теперь можно спокойно сказать, что в это же время, но в другую эпоху и в другом месте, а именно, в одном театре, шли киносъемки мюзикла «Отпетый клоун».

Почему клоун, и что значит отпетый? Отпетый в церкви, потому что умерший? Или может отпетый

в смысле неистовый, законченный, неисправимый? Похоже, съемочная команда и сама этого толком не понимала, потому что все еще находилась в так называемом творческом поиске.

Зрительный зал был погружен в полумрак. На креслах лежали оставленные вещи и верхняя одежда. Несколько человек сидели в зале, кто-то дремал, а кто-то глядел на освещенную сцену, где сновали люди, занятые всякими приготовлениями. Сцена представляла собой трансформер в виде полуцилиндра, на полу и стенках которого проецировались изображения и световые эффекты.

Посреди сцены стоял режиссер, эмоциональный парень, и страшно ругался.

— Это никуда не годится. Вы все никуда не годитесь! Мы снимаем мюзикл или похороны? Пошли вон, дураки! Все пошли вон, и возвращайтесь другими!

Что он хотел этим сказать, и какими другими они должны были вернуться, режиссер объяснять не стал. Но участники съемочной группы — пестрая толпа, разодетая в пух и прах — и не спрашивали, разбежались кто куда.

— Так, где моя дива? Только она меня вдохновляет. Приведите мне диву! Макс, она там долго еще? — обратился он к оператору. — Сходи узнай.

Тот сбегал за кулисы и быстро вернулся. Макс, заикающийся молодой человек, по своему обыкновению долго готовился, перед тем как сказать какую-либо фразу:

— Виктор, мы... мы-ы...

— Что, мы? Кто такие мы, или кто мы такие — сложный философский вопрос. Короче!

— Матильда опять капризничает, — наконец выдал Макс.

— Так давайте ее сюда! — страшным голосом прокричал Виктор (так звали режиссера).

— Викто-ор! — из-за кулис донесся женский голос. — Я вот она, я здесь!

Вслед за голосом появилась она сама. Эксцентричная, как было понятно с первого взгляда, особа. Одета в темно-зеленый комбинезон и розовые туфли на высоченной платформе, со включенными волосами светло-голубого цвета. Голубая блондинка, можно сказать.

— Иди сюда, Тиличка, моя ляля, моя цаца! — направился к ней Виктор, разводя руки широким жестом. — Ну-ка повернись. Вот мы какие, красивые! — и тут же, резко меняя тон. — Чего приперлась! До сих пор не накращена! Пошла вон, в примерку, живо!

— Я не хочу, это все очень долго-предолго-о-о! — у Матильды была манера тянуть гласные. — У нас же ведь только репетиция!

— Репетиция это или съемки, решаю я. Прочь с моих глаз!

— Хочу конфету! Ты обещал принести мне вишню в шоколаде.

— Какая по... — попытался вступить в разговор Макс. — По-о...

— Ты говоришь, какая у меня красивая что? Договаривай скорей!

— Какая пошлость — вишня в шоколаде! — договорил Макс.

— А я хочу-у-у!

— Дива, ты знаешь правило: кто не делает дубль, тот не получает лакомство, — сказал Виктор. — Сделай — получишь. Все, пошла вон! Нет, стой, давай еще раз отрепетируем твой поклон.

Матильда отошла в сторону и изобразила жеманный реверанс.

— Ой, как вульгарно! — закричал Виктор. — Ну-ка давай заново, как тебя учили, руки на грудь и... Да не на груди, а на грудь, и душевно, с достоинством! Весело, а не фиглярно! Ну что ты будешь с ней делать! Все, убирайся прочь, уродина, или я прибью тебя!

Дива развернулась на своих платформах и приготовилась убежать.

— Нет, стой, Тиличка, ляля, иди сюда!

Матильда снова развернулась и замерла в ожидании.

— Твоими устами иногда глаголет сама истина. Сейчас серьезно, что нам лучше танцевать в этом дубле, стрит или хаус?

— Надо твист. Твист надо, — ответила дива.

— Что-что-что? Почему?

— Да потому что все эти ваши go-go и прочие RnB — полный отстойняк.

— Что-что-что? Почему отстойняк, это же современные танцы?

— Потому что это все надоело! Надоело это все потому что!

— Да, очень доходчиво объясняешь. А почему твист? Вообще ретро.

— Новое — хорошо забытое старое. Из того, что хорошо забыто, можно сделать новую моду.

— Это мы... м-мы... Это мысль, — выдал Макс.

— Согласен, надо попробовать, — сказал Виктор. — Ладно, иди гримируйся, будь умничкой.

— Я и так умничка! — Матильда вприпрыжку побежала за сцену.

Виктор подозвал костюмершу, что-то прошептал ей на ухо, и та удалилась.

— Так, а теперь все бездарности, умственно отсталые и неполноценные собрались, посмотрели на себя и быстро пришли в состояние гениальности. Давайте-давайте, я уже прям вижу, как вы начинаете светиться. Макс, и остальные склеротики и склеротички! Нам надо решать, какая музыка и эффекты. Время, время! Времени нет! Когда будет готова Матильда, мне сообщить.

На сцене вновь закрутилась беготня и приготовления. Спустя некоторое время, которого как всегда «было и не было», Виктор, наконец, объявил:

— Так, все готово! Макс, где Матильда? А, вот она, вся такая радостная, бежит, цветет.

Представшее зрелище впечатляло. Вдобавок к голубым волосам, ее лицо покрывал густой синий грим, а глаза были разукрашены так, что дива и впрямь была дивой.

— Ну-ка иди, иди сюда, моя ляля! Повернись-ка.

Виктор знаком подозвал костюмершу, у той в руках был огромный розовый бант, какие когда-то носили сзади на старомодных платьях.

— Сейчас-сейчас, мы тебя нарядим!

Матильда, едва завидев бант, запрыгала и замала руками:

— Нет, нет, ты с ума сошел!

— Да ты не понимаешь! Смотри, какой он! Розовый, красивый, большой! — приговаривал Виктор, любуясь своим изобретением. — Под цвет твоих туфель, все как надо!

— Я не стану такое носить, такую безвкусицу!

— Но мы же танцуем твист, вот и будет чем вертеть!

— Какой ужас! Я что тебе, кукла?

— Конечно! Ты моя живая игрушка!

— Стой спокойно, — костюмерша, не обращая внимания на стенания дивы, крепила ей бант, как раз над любезным местом.

Окружающие, собравшись, принялись ее успокаивать:

— Да ладно, Матильда, тебе в самом деле идет!

— Интересно смотрится!

— Классно выглядишь!

— Шикарно!

Наконец, диву кое-как уговорили.

— Тиличка, ляля, ты очень, очень красива! — продолжал убеждать ее Виктор.

— Очень-преочень?

— Да, да! А еще ты у нас умничка!

— Что такое-е-е, что еще от меня надо-о-о?

— У нас малюсенькая проблемочка, никак не можем выбрать спецэффекты на полу и на стенах, все что-то не то. У тебя есть какая-нибудь идейка, этакая?

Несмотря на то, что дива производила впечатление особы легкомысленной, у нее и вправду был неординарный склад ума, и на многие вещи она смотрела по-своему, не так, как все остальные. Возможно, на свою беду.

— Ну и не надо спецэффектов. Давай просто пол зеркальный, и стены зеркальные сделаем. И вся наша танцевальная группа в них будет отражаться...

— И твой бантик тоже!

— Перестань, я не это хотела сказать. Может быть, если все зеркальное, тогда что-нибудь интересное получится?

— Ладно, давай попробуем.

— Макс, запускай трансформер, всю сцену делаем зеркальной.

— В... в-все, что ли?

— Да, и пол, и стены. Так, внимание, по местам, — Виктор обратился к остальным. — Готовы? Жонглеры, акробаты, пошли! Музыка пошла! Камеры, поехали!

Тут прежде беспорядочная и пестрая толпа вдруг собралась, преобразилась и начала двигаться слаженно и стильно, будто все было тысячу раз отрепетировано. И конечно же дива, в самом центре всего действия, очаровательно вертела своим бантиком.

Ла-ла, лалалала-ла, лалалала-ла, лалала.
Ты никогда не бывал
В нашем городе светлом,
Над вечерней рекой
Не мечтал до зари.
С друзьями ты не бродил
По широким проспектам,
Значит, ты не видал
Лучший город Земли.
Ту-туду-туду-ду!
Песня плывет, сердце поет,
Эти слова — о тебе, Москва...*

В этот момент все зеркала как-то одновременно сверкнули, и Матильду, видимо, оказавшуюся в фокусе, озарила яркая вспышка света. Она еще продолжала двигаться в такт музыке, в то время как со всех сторон ее окутал зеленый туман. Матильда оторопело остановилась. Туман быстро рассеялся, но все пространство тут же заполнил мираж из голубого песка и желтого неба. У Матильды в глазах помутнело. Она стояла одна в мираже, который медленно плыл прямо через нее. Музыка все еще доносилась откуда-то издалека. Затем и мираж растворился, а вместо него вокруг Матильды начали проявляться какие-то серые фигуры, шевелящиеся будто в танце. В том самом танце, как только что на сцене. Фигуры были одеты в серые бесформенные балахоны, с неясными, размытыми лицами. Музыка смолкла и сменилась стеклянным перзвоном. Фигуры замерли и в замешательстве устались на Матильду. Матильда в ужасе смотрела на них.

* Песня «Лучший город земли», музыка А. Бабаджаняна, слова Л. Держенева.

Вадим ЗЕЛАНД. ЖРИЦА ИТФАТ

* * *

Очнувшись от оцепенения, серые фигуры кинулись на бедняжку с криками:

— Синтетическая дева! Синтетическая дева!

— Съедем ее! Съедем!

У Матильды подкосились ноги, и она упала в обморок еще прежде, чем фигуры успели на нее наброситься.

ГЛАМРОКИ

Матильда очнулась привязанной спиной к столбу. Точнее, она была даже не привязана, а крепко примотана к нему сыромятными ремнями так, что ноги не касались земли. Вокруг столба вереницей ходили оборванцы в серых балахонах с капюшонами и бормотали какую-то мантру:

— Мана-веда, мана-сана, мана-уна, мана-мана.
Мана-ома, ата-мана, мана-оха, мана-дана.

Время от времени они останавливались, поворачивались в центр круга и выкрикивали:

— Синтетическая дева! Съедем ее! — а затем снова принимались водить свой зловещий хоровод.

— Мана-ога, маха-мана, мана-оша, мана-шана.

Местность была пустынной и каменистой. Недалеко от столба был разведен большой костер, а поодаль виднелись какие-то примитивные постройки. Небо светилось тусклым серым сиянием, но без солнца. Общая картина была совершенно бесцветной, как в черно-белом кино. На этом фоне живописная фигурка Матильды смотрелась пришелицей из другого мира. Напомним, что у нее были голубые волосы, синее лицо, темно-зеленый комбинезон, розовые туфли с платформой и такого же цвета бант на поясице.

Несчастливая дива пребывала в шоковом состоянии. Она не понимала, где находится и что с ней происходит. Даже выдавая виды жрица Итфат в такой ситуации наверняка бы сникла. Что уж говорить о бедняжке, привыкшей к изнеженному комфорту и всеобщему обожанию. В других обстоятельствах она могла бы пожаловаться в свойственной ей манере: «Все стало очень-преочень плохо-о-о!» Но сейчас было не до капризов. Почему-то одна лишь мысль крутилась у нее в голове, да и та была странной: «Мой бантик теперь помнется». Очень-преочень странная такая мысль, при всем, что с ней случилось и что, похоже, ее ожидало.

Между тем дикари, вдоволь найдя по кругу и набормотавшись, принялись спорить меж собой о том, как дальше поступить с пленницей. Одни кричали:

— Зажаѣим ее! — другие же:

— Нет, сваѣим!

По какой-то причине, они то ли не умели, то ли не хотели выговаривать букву «р», потому что даже не картавили, а как-то ее проглатывали. Однако это не делало их речь комичной, а скорее производило жутковатое впечатление.

Так они еще долго препирались в толпе, пока не разделились на две группки, которые стали друг на друга орать:

— Зажаѣим!

— Сваѣим!

Ссора, в конечном итоге, переросла в беспорядочную драку.

Дикари (или неведомо кем они там являлись, поскольку лица у всех были одинаковые, серые, бесполые и безжизненные, будто восковые) дрались не на жизнь, а на смерть. Оружия не было, но в ход шли попавшиеся под руку камни. Вскоре они уже не стояли на ногах, а валялись в пыли, разрывая в клочья свои балахоны. Как оказалось, волосы на их головах отсутствовали.

Матильда с ужасом смотрела на всю эту дикую свару и понимала, что даже если они друг друга перебьют, у нее самой шансов никаких нет — связанная, она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Ей хотелось закричать, но в горле стоял ком, да и что толку, помощи ждать было неоткуда. И это был не сон.

Неизвестно сколько бы еще продолжалась эта безумная вакханалия, как вдруг откуда-то донесся очень сильный и низкий трубный звук. Серые вахлаки словно очнулись, нехотя поднялись и, пошатываясь, выстроились в вереницу вокруг столба. Грязные и оборванные, они по новой принялись топтаться в хороводе с бормотанием своих то ли заклинаний, то ли мантр.

Спустя некоторое время они как по команде остановились, повернулись в центр круга и злобно выкрикнули разом, будто сговорившись:

— Сваѣим ее!

И тотчас бешено забегали. Одни бросали дрова в разгоравшийся огонь костра, другие волокли невесть откуда взявшийся здоровенный котел. Третьи подскочили к Матильде, высунули языки и, глядя на нее, с мычанием замотали головами. Намотавшись и намычавшись, они закричали:

— Синтетическая дева!

Все остальные дружно подхватили:

— Съедем ее! Съедем!

Затем, мыча и скалясь и высовывая языки, они отвязали свою жертву и потащили в сторону костра.

Картина была поистине сюрреалистичной, потому что в реальности не могло случиться ничего подобного. Девушка с кукольной внешностью, с розовым бантиком... И такое грязное злодейство с ней... Нет, все это было слишком нереально. И все же, это происходило.

Но тут к Матильде, еще недавно полуживой от страха, неожиданно вернулось самообладание, как это бывает у обреченного на смерть, когда терять больше нечего, и когда хуже просто некуда. Собрав все силы, Матильда закричала:

— Пошли вон, дураки! Не трогайте мой бант!

Этот крик у нее вырвался самопроизвольно, она не отдавала себе отчета, почему выкрикнула именно такие фразы, и почему беспокоилась о таком, казалось бы, пустяке, находясь у последней черты. Единственное, что она почувствовала, это отчаянное желание, чтобы ее немедленно оставили в покое. А еще она заметила, что желание это сопровождалось каким-то необычайно томительным ощущением за спиной. Возникло ли данное ощущение от того, что у нее сзади находился бант, или от чего-то другого, но Матильда вдруг отчетливо осознала, что ощущение дает ей какую-то необъяснимую власть над серыми отродьями.

Те остановились как вкопанные и вытаращились на нее в полном изумлении. Матильда вырвалась из их

лап и даже кого-то оттолкнула. Интуиция ей подсказывала, что бежать уж точно не следует, а потому она замерла в ожидании. «Что угодно, только не убежать», — подумала дива, ощущая себя готовой ко всему, и вновь испытывая характерное томление за спиной.

— Уйдите от меня прочь, уроды!

Уроды и в самом деле тут же попятились назад, издавая удивленные возгласы:

— Она сказала букву?

— Ей можно?

— Она мана?

— У нее ошó?

— Она может сказать букву!

Серые сгрудились вместе и начали о чем-то перешептываться, поглядывая на диву, которая изо всех сил старалась изображать гордое достоинство. Затем они обступили Матильду, с опаской держась поодаль. Один вышел вперед и спросил:

— Кто ты?

Матильда поняла, что прямая угроза миновала, по крайней мере, пока, и ответила уже спокойней:

— Я гламурная дива-а-а! А вы кто такие, уроды?

И тут же осеклась — она словно забыла, где находится, и что эти самые уроды, которых наверно не стоило оскорблять, ее только что чуть не сварили заживо. А вопрос, где она находилась — это был очень большой вопрос. Но те, видимо, не обратив внимания, снова завопили свое:

— Синтетическая дева!

— Она может сказать букву!

— Почему вы называете меня синтетической де-вой? — спросила Матильда.

Те молча переглянулись. Похоже, вопрос их привел в замешательство.

— Мы не знаем.

— Так, ладно. Кто вы такие, спрашиваю?

— Мы гламъоки! — наперебой загалдели серые. — Мы читаем бьедни! Нам нельзя читать букву! Абу! Абу!

— Понятно, — сказала Матильда. — Вы гламрôки, и вы читаете бредни.

— Ошо! Ошо! — загомонили те. — Она может называть нас! Она может!

Судя по всему, на дикарей производил очень сильное впечатление тот факт, что неизвестная пришелица могла свободно произносить букву «р», и что с ней при этом ничего ужасного не случилось. Серые опять принялись совещаться между собой, после чего один из них выступил вперед и спросил:

— Ты мана?

— Я Матильда. Понятно вам? — сказала дива.

— Мана-тида! Мана-тида! — закричали гламроки. Ответ Матильды опять привел их в состояние чрезвычайного возбуждения.

— А почему вы не произносите букву? — спросила она.

— Нам нельзя! Нельзя! Это абу! — заголосили те. — Будет къаш!

— Но ведь я же говорю букву, и никакого краша со мной не происходит.

— Ты мана! Мана-тида!

— Вот видите! А вы хотели меня сварить и съесть. А вы знаете, что бы было, если бы вы это сделали? — Матильда уже начинала вживаться в отведенную ей роль. — Случился бы полный краш!

Оборванцы, слышав такие слова, подняли вой, очевидно, преисполненный благоговейного трепета.

— А кто вас научил читать эти ваши бредни? И зачем они вам нужны?

— Гламоэк научил! Мана-гламоэк! Там! Там! — серые принялись оживленно жестикулировать, указывая руками куда-то в сторону построек.

— Мы должны читать бредни, и тогда нам будет ошо. Нельзя читать букву. Нельзя дъаться. Нельзя поедать дъуг дъуга. Абу! Надо читать бредни.

— Так, а меня вам поедать можно?

— Нельзя наших. Ты не наша.

— Нет, я ваша! — быстро сообразила Матильда. В таких обстоятельствах будешь соображать. — Я ваша мана!

Не успели гламроки отреагировать на ее слова, как издали опять раздался тот самый трубный звук. По всей видимости, звук служил для них каким-то сигналом, потому что дикари переполошились и закричали:

— Священный хлевьюн! Надо отвести ее в священный хлевьюн!

— Что еще за хлевьюн такой? — спросила у них Матильда.

— Там гламоэк! Мана-гламоэк! Мы покажем! Идем!

Матильду охватило сильное беспокойство. Если гламоэк — их предводитель, тогда у него могло быть

Вадим ЗЕЛАНД. ЖРИЦА ИТФАТ

свое мнение по поводу того, кто здесь мана, а кто нет. И тогда процедура варки и последующего поедания синтетической девы могла возобновиться с наименьшим аппетитом.

Но у нее не было выбора. Она не имела ни малейшего представления, куда ей податься. Поэтому, ничего не оставалось, как идти с ними. Итак, вся процессия двинулась в сторону построек.